

С. Л. Попов

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Закономерности перцептивно-логической эволюции русской морфологии: существительные, прилагательные, числительные

С.Л. Попов. Закономерности перцептивно-логической эволюции российской морфологии: именные, прикметники, числительные. У статті аналізуються закономірності перцептивно-логічної еволюції російських іменників, прикметників та числівників. Дослідження проводиться в руслі нового наукового підходу: когнітивно-еволюційного. Запропонований підхід дозволяє розглядати створені людиною сутності з позицій їх обумовленості когнітивними структурами, які потенційно еволюціонують. Такий, що ґрунтується на відомостях суміжних з лінгвістикою антропонаукам про ступені сприйняття та якість логіки, цей підхід дозволяє бачити глибинні чинники досліджуваних лінгвістичних явищ.

Ключові слова: морфологія, іменники, прикметники, числівники, сприйняття, логіка, еволюція.

С.Л. Попов. Закономерности перцептивно-логической эволюции русской морфологии: существительные, прилагательные, числительные. В статье анализируются закономерности перцептивно-логической эволюции русских существительных, прилагательных и числительных. Исследование проводится в русле нового научного подхода: когнитивно-эволюционного. Этот подход позволяет рассматривать созданные человеком сущности с позиций их обусловленности потенциально эволюционирующими когнитивными структурами. Основывающийся на сведениях смежных с лингвистикой антропонаукам о степенях восприятия и качестве логики, такой подход позволяет видеть глубинные причины изучаемых лингвистических явлений.

Ключевые слова: морфология, существительные, прилагательные, числительные, восприятие, логика, эволюция.

S.L. Popov. The regularities of perceptually-logical evolution of Russian morphology: nouns, adjectives, numerals. In the article the regularities of perceptually-logical evolution of Russian nouns, adjectives and numerals are analyzed. The study is in line with a new scientific approach: cognitive and evolutionary. This approach allows to study human-created substances from the perspective of their being determined by potentially evolving cognitive structures. Based on the information of anthroponomic sciences related to linguistics about degrees of perception and logics quality, this approach allows to see the deep reasons of linguistic phenomena being studied.

Keywords: morphology, nouns, adjectives, numerals, perception, logic, evolution.

В трудах представителей сравнительно-исторического языкознания убедительно доказано, что естественные языки с течением времени в той или иной мере изменяются на всех своих ярусах. Для многих лингвистов языковые изменения являются абсолютным синонимом проявлений аксиоматически прогрессивного развития языка. Однако встречается и различие прогрессивного и непрогрессивного языкового развития. Как следствие такого различия по-разному трактуется и понятие языковой эволюции. Например, Б.А. Серебренников отождествляет эволюцию с прогрессом и различает относительный и абсолютный языковые прогрессы [20], а Н.В. Юдина различает в языке «просто изменения», которые называет эволюцией, и «изменения прогрессивные» [27:264-265].

Когнитивно-эволюционный подход, предложенный эволюционной эпистемологией к изучению закономерностей познания явлений действительности (К.Р. Поппер, И.П. Меркулов и др.) и примененный нами к изучению механизма дифференциации русских грамматических вариантов [17], позволил осознать правоту Б.А. Серебренникова и других лингвистов, склонных считать языковые изменения прогрессивными, и признать эволюцию языка потенциально позитивной, характеризующейся высокой степенью позитивной реализации. Основой для такого признания стала фиксация когнитивно-эволюционного алгоритма «восприятие →

логичность мышления → логичность грамматики». Восприятие может быть: 1) синкретичным, то есть целостным, не позволяющим дифференцировать признаки и, следовательно, категоризировать познаваемое; 2) поверхностным, то есть ориентированным на ближайшие, наиболее заметные, «лежащие на поверхности» признаки, по которым и происходит категоризация, часто ошибочная; и 3) альтернативным, то есть ориентированным на все имеющиеся в наличии признаки, благодаря чему путем сравнения может быть выбран признак, категоризация по которому корректна. Каждая из этих степеней восприятия обеспечивает соответствующее качество логичности мышления и, как следствие, логичности тесно связанной с мышлением грамматики (подробнее об этом – см. [17:64-142]).

Историческая грамматика не только реконструирует древнее положение дел в грамматике, но и в согласии с принципиальной идеей структурализма скрупулезно описывает происходящие в ней изменения, крайне редко, однако, объясняя их причины связью с когнитивными структурами. Главным принципом пришедшей на смену лингвоструктурализму, или, если оценить это явление объективнее, дополненной достижениями лингвоструктурализма, когнитивной лингвистики является объяснительность [14:25]: она предполагает объяснение причин языковых

изменений, которые происходят не сами по себе, а являются обусловленными влиянием восприятия на логику как строй мышления носителей языка. В данном случае мы предпринимаем попытку объяснения исторических изменений в русской морфологии зависимостью качества ее логичности от качества ее восприятия.

Целью настоящей статьи является изучение влияния наблюдаемой у носителей русского языка перцептивно-логической зависимости на различные грамматические аспекты русских существительных, прилагательных и числительных в ходе их эволюции.

1. Существительные

1.1. Не всё в эволюции грамматики существительных выглядит абсолютно прогрессивным. Утрата русской морфологической системой формы звательного падежа [8:279; 25:171-173, 299; 2:226-227; 11:286-287], несомненно, была логичной для устной речи, ибо здесь для передачи «звательности» достаточно интонационных возможностей, но на письме в некоторых случаях не способствовала смысловозначительной ясности при обращении: например, фраза *Олег, Сергей и Надя приехали* в письме к Олегу является многозначной по причине двусмысленности формы обозначающей это имя первой лексемы (с двузачной запятой после нее), являющейся то ли обращением, то ли одним из трех однородных подлежащих. Звательная форма (типа современной украинской формы *Олеже*) позволила бы избежать такого противоречия, как это происходит в остальных славянских языках (об этом писал еще Ф.И. Буслаев [3:36]), но подобные русские формы были утрачены. Можно говорить о том, что носители русского языка поверхностно восприняли ненужность формы звательного падежа в устной речи и вследствие такого поверхностного восприятия не смогли предвидеть потерю коммуникативной выгоды от сохранения этой формы в письменной речи.

Исследователи замечают, что современный русский язык развил новую звательную форму: усеченный именительный падеж, например *мам!*, *пап!*, *Наташ!*, *Серез!* и даже просто *ма!*, *па!* [8:279; 11:287; 2:226-227]. Она ограничивается стилистически: сферой разговорной речи. Возможно, когда-нибудь эта форма выйдет за пределы разговорности.

1.2. Шесть типов склонения в древнерусском языке, унаследованные им через общеславянский язык в качестве соответствующих шести типам индоевропейских основ, были уже весьма отдаленными во времени от индоевропейского языка, которым носители древнерусского языка закономерно не владели. Под влиянием закона открытого слога, действие которого началось в праславянский период, конечные гласные индоевропейских основ (предположительно суффиксы-детерминативы) стали восприниматься, разумеется поверхностно, как окончания. При таком развитии событий типы склонения уже не имели дифференциальных признаков, на которые могли

опираться различия флексий, а пестрая картина родовой принадлежности слов в каждом типе склонения не позволяла различать эти типы склонения по родовому признаку. Существительные с одинаковым родом, например имена м. р. *вѣлкѣ*, *медь*, *слоуга*, *огнь*, *камы*, *свекры*, оказывались отнесенными к шести разным типам склонения. Такое хаотическое противоречие не могло сохраняться долго, поскольку утверждающаяся у носителей древнерусского языка альтернативность восприятия способствовала подосознательному выявлению и, как следствие, исправлению этого противоречия, – и склонение по шести типам было логично переформатировано в склонение по трем типам в ед. ч., объединенным по признакам рода и флексии [21: 169-222; 25:161-165, 186-195; 2:190-209; 11:255-275; 6:144-157, 163-193; 24:48-114].

По той же причине обусловленного альтернативностью восприятия устранения противоречия – при отсутствии дифференциации по роду и при неактивности в функции определения падежных форм кратких прилагательных – неизбежной оказалась унификация склонения существительных во мн. ч., кроме некоторых форм род. п., в один тип по аналогии с представительным и потому влиятельным склонением на *а̄*, соответствующим современному II склонению (флексии прямых падежей мн. ч. были дифференцированы по признакам рода и одушевленности-неодушевленности) [25:195-201; 2:209-217; 11:275-281; 6:193-215; 24:123-168].

1.3. Многие языки, в том числе русский, проходили стадию существования наряду с числом единственным и числом множественным – двойственного числа, которое в большинстве таких языков было, как принято говорить, утрачено, хотя, с позиций когнитивно-эволюционного подхода к языку, следует сказать, что оно было преодолено с развитием обеспеченной альтернативностью восприятия абстрактности мышления (чтобы абстрагироваться от конкретного, нужно уметь воспринять альтернативу конкретного и обобщенного), причем, как правило, еще в донациональные периоды развития носящих эти языки этносов. Первыми исчезли формы дв. ч. личных местоимений, поскольку были слишком индивидуальны и немногочисленны. У существительных эти формы не только исчезали долго в силу инерции, но и не исчезли до конца, изменив лишь грамматическое значение на множественность. Так, слова, в основном обозначавшие парные предметы (*берега*, *глаза*), сохранили формы дв. ч., в то время как спецформы мн. ч. (*берези* / *береги*, *глази* / *глазы*) не сохранились по причине нечастотности таких понятий, как 'больше двух берегов' (у реки можно зафиксировать больше двух берегов только при ее разветвлении на рукава) и невозможности 'больше двух глаз' (у одного живого существа). *Плечи*, *колени* не сохранили формы дв. ч. (*плеча*, *колена*) [12; 25:167-171; 2:209-217; 11:287-291; 6:217-221; 24:114-123]. Не сохранили, возможно, потому, что на них влияли

переносные значения этих слов, которые чаще всего применялись к непарным явлениям.

Понятие двойственного числа объясняется особенностями количественного познания человеком окружающего мира (о постижении счета ребенком и первобытным человеком, изоморфизм когнитивной эволюции которых сегодня совершенно очевиден [1:52], – см. [18:49-49, 69-71]). В трудах по истории математики говорится, что у древнейшего первобытного человека существовало только три единицы счета: *1*, *2* и *много* [23:22; 13:9-12] (понятно, что число *много* было противопоставлено числам *1* и *2* как неопределенное явление явлениям определенным). Неудивительно в связи с этим и существование трех грамматических значений числа: единственного, двойственного и множественного (в некоторых языках успели сформироваться также тройственное число и четверное число [4:584]). Актуальность для первобытного человека понятий 'один' и 'два' очевидна: ему несложно было познать присутствующую в нем самом и в окружающих его людях и других представителях фауны единственность головы, лба, носа, рта, подбородка, шеи, живота и т. д. и парность глаз, ушей, ноздрей, рук, ног и т. д. Понятно также, что логически четко (в согласии с принципом привативной оппозиции) и, как следствие, удобно противопоставляются число единственное, соответствующее 'одному', и число неединственное, названное в национальных лингвистиках множественным. Как замечает Дж. Гринберг, «всегда с двойственным числом сливается именно множественное число и никогда с двойственным числом не объединяется единственное число» [9:123]. Образование двух полярных значений 'единственное' – 'неединственное', безусловно, было одним из проявлений обусловленной альтернативностью восприятия логической эволюции морфологии. О такой эволюции в греческом пишет О. Есперсен: «В греческом языке двойственное число было рано утрачено в колониях, где ступень цивилизации была относительно выше, но весьма устойчиво сохранялось в континентальной Греции, например в Лакедемон, Беотии и Аттике» [10:239].

1.4. Логично, будучи обусловленной постепенным утверждением у носителей русского языка альтернативности восприятия (восприятия неживого и реально или потенциально живого как альтернативы), развивалась категория одушевленности: вначале, в «Русской правде» (XI век), одушевленными были названия только свободных мужчин (не рабов, а также не женщин, не детей, не животных), с XII века по XIV век одушевленными становятся названия всех взрослых людей – мужчин, с XV века одушевляются названия женщин, с конца XVII – детей и животных [25:173-177; 2:222-225; 11:283-286; 6:215-219; 24:168-176; 22:122-126]. В северных и сибирских говорах животные и сейчас не всегда одушевляются: *пасу коровы, гоню овцы*. У Марии Матиос не раз встречается диалектное неодушевленное *діти*: «*А Павло тимчасом робить Доці діти*», «*Скликай, жіно, на завтра діти*» («Майже ніколи не

навпаки»), «*Родить собі діти, поки годні і маєте від кого*» («Солодка Даруся»). В русском литературном языке категория одушевленности логично охватила названия всех живых существ (с небольшими, устойчивыми до слитности исключениями типа *замуж* или *выйти в люди*). При этом признак одушевленности стал перманентным: на него больше не влияет переход носителя одушевленности из живого состояния в неживое. Всё чаще одушевляются *крабы, кальмары и устрицы*, которые, по мнению Л.К. Граудиной [7:47], могут быть неодушевленными для (по всей видимости, не читающих книг и не смотрящих телевизор) жителей Центральной России на том основании, что эти невидящие моря и его атрибутов жители могут воспринимать этих существ только в виде еды. Стали одушевленными и *вареные раки*, которые много лет рекомендовались к употреблению в речи в неодушевленном виде. Употребляются как одушевленные даже слова *мертвец* и *покойник* как воспринимаемые живыми во сне, в видении или воображении.

2. Прилагательные

2.1. Благодаря утверждающейся у носителей русского языка альтернативности восприятия в целом логична история размежевания и утверждения в русском языке кратких, или именных, и полных, или местоименных, прилагательных [28:212-219; 25:201-210; 2:239-248; 11:307-315; 6:219-238; 24:177-203]. Такое размежевание могло привести к созданию приадективных артиклей, выражающих в артиклевых языках гносеологически важную оппозицию конкретности-абстрактности (эти термины корректнее широко распространенных терминов «определенность-неопределенность», так как не страдают двусмысленностью термина «неопределенность», означающего в том числе 'неизвестность'), но только в пре- и постпозиции к существительным. Исследователи предполагают, что спонтанная попытка создания приадективного определенного артикля в древнерусском была, когда к изначально лишь кратким (именным) прилагательным стало добавляться постпозитивное указательное местоимение (член), выражающее определенность существительного в сочетании с таким кратким прилагательным (а иначе совершенно неясен смысл появления новой формы прилагательных, функционально дублирующей уже существующую их форму). Слияние этого местоимения с кратким прилагательным создало, как известно, полные (местоименные) прилагательные, но обозначением конкретности не стало. В свою очередь формального показателя абстрактности в древнерусском не было. Выражение абстрактности формально не маркированными для этой цели краткими прилагательными (это было бы логически симметрично конкретности полных прилагательных) затруднялось тем, что семантически они могли быть только конкретными в трех случаях: 1) в сочетаниях с именами собственными; 2) в функции сказуемого; 3) в случаях, когда это был такой вид кратких

прилагательных, как прилагательные притяжательные. Подсознательно понимаемая носителями древнерусского языка невозможность выражения абстрактности краткими прилагательными могла повлиять на употреблявшиеся параллельно, в тех же функциях сказуемого и определения, полные прилагательные таким образом, что носители древнерусского языка не восприняли возможность обозначения симметричной конкретности полными прилагательными, а слившиеся с основами указательные местоимения перестали воспринимать как местоимения (аналогичным образом, как известно, переставали восприниматься не как части корня слившиеся с корнями утратившие продуктивность древние суффиксы). Здесь уместно вспомнить, что в болгарском и македонском языках постпозитивное по отношению к существительному (не прилагательному) указательное местоимение всё же стало определенным, то есть выражающим конкретность, артиклем (абстрактность факультативно выражается препозитивными, раздельно пишущимися с существительными показателями *един, една, едно*). Это можно объяснить тенденцией стремления болгарского и македонского языков к аналитизму, констатируемому в них по причине утраты категории падежа: в языках с аналитическим строем, например германских и романских, противопоставление конкретности и абстрактности выполняют, как известно, артикли (тоже бывшие указательные местоимения). Очевидно, в русском языке восприятие его носителями указательного местоимения, добавленного для выражения конкретности к изначально кратким прилагательным, не состоялось по причине невосприятия возможности движения к аналитизму. Мы не говорим о синкретизме такого невосприятия, поскольку не можем вслед за О. Есперсеном говорить о безоговорочных эволюционных преимуществах аналитизма, прежде всего аналитизма английского языка, поскольку понимаем, что, например, в *tu tot and dad* *мама*, безусловно, *моя*, но *papa* может быть и чужим, поскольку в *tu* нет обозначения числа, в то время как в синтетическом русском это обозначение есть: ср. *моя мама* и (*чей-то*) *папа* и *мои мама* и *papa*. Случайность выбора пути развития языка коррелирует со случайным выбором того или иного пути эволюции человечества. Как убедительно пишет Л.Б. Вишняцкий, «наша состоявшаяся эволюционная история – это только один из многих потенциально существовавших ее сценариев, который, в отличие от других, не остался запасным лишь в силу во многом случайного стечения мало связанных между собой обстоятельств» [5:7].

Тем не менее эволюционирующее от синкретизма к альтернативности восприятие у носителей древнерусского языка достаточно быстро привело к подсознательному пониманию противоречия коэкзистенции функционально тождественных единиц – кратких и полных прилагательных. И это противоречие носители русского языка стихийно, но логично разрешили:

полные прилагательные были закреплены в функции определения, а краткие прилагательные – в функции сказуемого, в которой словоизменение, будучи неустраиваемым, прекратилось.

Под влиянием приоритетного выполнения функции сказуемого, а также функции обстоятельства, выражаемой в древнерусском немногочисленными, но постоянно создаваемыми путем фиксации существительных в определенных падежах наречиями, носители языка логично прекратили и словоизменение компаратива.

2.2. В падежной системе полных русских прилагательных достаточно долго наблюдалась полиформия, например м. р. ед. ч. им. п. *добрый* и *доброй*, ж. р. ед. ч. род. п. *добрыя* и *доброй* (примеры из [19:472]). Постепенно альтернативно воспринятая как не связанная с какими-либо семантическими или стилистическими различиями, то есть как противоречивая, такая полиформия в XX веке была логично преодолена окончательно.

3. Числительные

3.1. В полном соответствии с закономерностями обусловленного поверхностным восприятием конкретного и обусловленного альтернативным восприятием абстрактного понимания числа [18:49-49, 69-71] можно констатировать, что древнерусский язык унаследовал от своих предков уже неплохо развитую десятичную (то есть основанную на пересчете пальцев рук) систему исчисления, ибо в русском языке после первых десяти узловых числительных следуют в основном алгоритмические по способу образования числительные на *-нацать* и составные. Однако, как замечает Ф.И. Буслаев, по своему происхождению такие числительные, как *«пять, шесть, десять, сорок, сто, тысяча* и т. д., суть не что иное, как существительные имена» [3:433] (о том же говорит А.М. Пешковский [16:187]), лишь постепенно, благодаря утверждению альтернативности восприятия, абстрагировавшиеся от обозначаемых ими конкретных понятий, но до сих пор не до конца. Например, *тысяча* в значении 'очень много' по-прежнему является существительным и в тв. п. ед. ч. имеет форму *тысячей*, а не *тысячью* [7:359-361], а о появлении сначала *один*, а за ним – но не сразу, а на более высоком уровне развития абстрактного мышления – количественного *два* и собирательного *оба* задолго до появления следующих числительных свидетельствует не только существование форм единственного и двойственного числа, но и изменение *один* по всем трем родам (*один, одна, одно*), а также по числам (*одни*), при том что *два* и *оба* имеют уже лишь две формы рода: мужского-среднего (*два, оба*) и женского (*две, обе*), – а *оба* и *обе* имеют свою древнюю особенность: падежные формы (*обоих – обеих, обоим – обеим, обоими – обеими*). Следующие за *один* и *два (оба)* числительные закономерно-абстрактно не имеют форм рода и числа, однако ближайšie к ним *три* и *четыре* имеют ту же вариантность в сочетаниях с прилагательными, что и *два: четыре корабля*

военных – четыре корабля военные, три человека сильных – два человека сильные [15:558]; три полезные книги – три полезных книги, четыре новые стола – четыре новых стола (Ф.И. Буслаев называет эти явления «искаженным словосочинением» [3:437]). Известно также, что числительные на -надцать вначале состояли из трех частей (и понятий), каждая из которых имела свое ударение [3:434]. М.В. Ломоносов даже указывает на необходимость стилистического отграничения от более современных (абстрактных) форм: он пишет, что «полуупорядковые» формы типа *первойнадесять*, *второйнадесять* (как можно убедиться, не дошедшие до нашего времени) «употребляются только в важных материях и в числах месячных: *Карль второйнадесять*, а не *двенадцатой*; *Лудвиг пятыйнадесять*, а не *пятнадцатой*, *сентября пятонадесять число*, а не *пятнадцатое число*» [15:476] (любопытно, что ученый не придал значения различию между *второйнадесять* и *вторыйнадесять* даже в пределах одного предложения, очевидно считая такие формы абсолютно синонимичными; кроме того, хорошо заметно, что в то время «порядковости» поверхностно подвергалось первое, а не второе числительное в составе сложного числительного). То есть первобытно-инфантильным образом числительные от 11 до 19 были как обусловленные поверхностным восприятием подробно-буквальными и сохранили в своих формах остатки первоначального вида. Эта подробность-буквальность по своей природе отличается от шумерского и ацтекского принципа «один на пять, два на пять... пять на пять» (речь идет о числах *шесть*, *семь* и *десять*) лишь итоговой системой исчисления: у шумеров и ацтеков она не успела развиваться выше пятеричной [13:11-12]. Но счет мог бы состояться в русском (как и в других индоевропейских языках) и более в плане абстрагирования прогрессивно (*десять один*, *десять два*, *десять три*...), как это наблюдается начиная с *двадцать один*. Полусинтетизм образования древнерусских числительных от 11 до 19 объясняется поверхностной ориентацией на ближайшее в познании важное число 10 (-дцать): от *один-на-дцать* и т. д. до *девять-на-дцать*. 20 состоялось как аналитическое *два-дцать*, а создание 21 произошло не как полусинтетическое *один-на-два-дцать*, а как аналитическое *два-дцать-один*, что означало функционирование абстрактного мышления, обеспеченное альтернативностью восприятия. После осознания *двадцати* абстрактное мышление уже не могло мириться с обозначением одного числового понятия тремя формами, образующими буквально-примитивное счетное сочетание, в составе которого к тому же имелся не обладающий числовым значением предлог *на*: «С возникновением в мысли нового простого целого понятия об этих числах в языке возникает и новое образование числительных» [11:325]. То есть числительные от 21 обязаны своим существованием перцептивно-логической эволюции мышления, исправившей, насколько это было возможно в таком запущенном случае, логические недоработки в промежутке от 11 до 19 и

наладившего принципиально иную – аналитическую – систему счета начиная с 21 (некоторые индоевропейские языки запустили механизм абстрактного анализа раньше, например во французском он работает с 17-ти: *dix-sept*, *dix-huit*, *dix-neuf* – дословно *десять-семь*, *десять-восемь*, *десять-девять*).

3.2. Уже не совсем современной чертой русских числительных является постепенная утрата ими склоняемости. Век назад В.И. Чернышев обращал внимание на исчезновение форм *стол*, *стали*, необычность формы *во сте*, но все еще сохранение форм *ко сту* и *по сту* (сегодня считающихся оставшимися в далеком прошлом). Кроме того, ученый фиксирует утверждающееся вместо рекомендуемой формы *пятьюдесятью* форму *пятидесятью* [26:539-540]. Здесь первая часть *пяти-*, конечно, не утрачивает склонение, но идет по более легкому пути сопротивления ему, принимая форму наиболее частотного падежа – родительного. Эта же форма сохранилась в качестве единственной во всех косвенных падежах числительных *сорок*, *девятьсто* и *сто*. Утрата склоняемости числительных, особенно составных, объясняется влиянием цифрового их написания, которое наблюдается в подавляющем большинстве случаев [7:350]. Однако такое объяснение не позволяет понять, почему слова, обозначающие денотаты, носители языка грамматикализируют, а слова, обозначающие числа, нет. По нашему мнению, упрощение (сведение к родительному) или утрату падежей числительных можно объяснить лишь тем, что с историческим развитием абстрактного мышления человека числительные могут перестать им восприниматься как грамматикализованные имена и начать восприниматься как имеющие отношение не к естественному языку, а к не использующему косвенные падежи языку математическому, оперирующему абстрактными, применяемыми ко всему считающему числами. Такой вывод полностью соответствует описанной выше логике изменения представления о числительных: закономерной его эволюции от чувственно-предметного к отвлеченному. Однако этот прогресс находится в противоречии с грамматической системой, в которой числительные являются неотъемлемой частью системы имен. Будущее покажет, в чью пользу разрешится это противоречие двух по-своему логичных явлений.

Таким образом, рассмотрение исторических преобразований в сфере грамматических аспектов русских существительных, прилагательных и числительных с точки зрения перцептивно-логической эволюции позволяет говорить о том, что постепенное утверждение у носителей древнерусского языка альтернативного восприятия способствовало все более логичным преобразованиям в морфологических категориях падежа, числа и одушевленности-неодушевленности существительных, сферах краткости и полноты, полиформии-моноформии прилагательных, сферах конкретности-абстрактности числительных. Неясным

остаётся будущее склоняемости-несклоняемости числительных.

Представляется целесообразным изучение перцептивно-логической эволюции в сфере грамматики русских глаголов.

Литература

1. Барулин А.Н. К аргументации полигенеза / А.Н. Барулин // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / [сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская]. — М. : Языки славянских культур, 2008. — С. 41-58.
2. Борковский В.И. Историческая грамматика русского языка / В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. — [2-е изд., доп.] — М. : Наука, 1965. — 554 с.
3. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. — М. : Учпедгиз, 1959. — 623 с.
4. Виноградов В.А. Число / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В.Н. Ярцева]. — М. : Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 583-584.
5. Вишняцкий Л.Б. Человек в лабиринте эволюции / Л.Б. Вишняцкий. — М. : Весь Мир, 2004. — 156 с.
6. Горшкова К.В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов / К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев. — М. : Высш. школа, 1981. — 359 с.
7. Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М. : Наука, 2001. — 557 с.
8. Дурново Н. Очерк истории русского языка / Н. Дурново. — М.-Л. : Госиздат, 1924. — 376 с.
9. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика: Вводный курс / Дж. Гринберг / [пер. с англ.]. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 224 с.
10. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен / [пер. с англ.] / [общ. ред. и предисловие Б.А. Ильиша]. — [2-е изд., стереотипное]. — М. : Едиториал УРСС, 2002. — 408 с.
11. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. для студентов филол. спец. фак. ун-тов и пед. ин-тов / В.В. Иванов. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М. : Просвещение, 1983. — 399 с., ил.
12. Иорданский А.М. История двойственного числа в русском языке / А.М. Иорданский. — Владимир : Владимирск. гос. пед. ин-т им. П.И. Лебедева-Полянского, 1960. — 214 с.
13. История математики с древнейших времен до начала XIX столетия / [под ред. А.П. Юшкевича]: в 3 т.: Т. 1. С древнейших времен до начала нового времени. — М. : Наука, 1970. — 352 с.
14. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / А.Е. Кибрик. — М. : Изд-во МГУ, 1992. — 336 с.
15. Ломоносов М.В. Российская грамматика / М.В. Ломоносов // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. — Т. 7. Труды по филологии 1739-1758 гг. — М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1952. — С. 389-578.
16. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. — [7-е изд.]. — М. : Учпедгиз, 1956. — 512 с.
17. Попов С.Л. Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект: Дис. ... докт. филол. наук / С.Л. Попов. — Харьков, 2015. — 453 с.
18. Попов С.Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография / С.Л. Попов. — Харьков : НТМТ, 2013. — 150 с.
19. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 776 с.
20. Серебренников Б.А. К проблеме сущности языка / Б.А. Серебренников // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. — [отв. ред. Б.А. Серебренников]. — М. : Наука, 1970. — С. 9-95.
21. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка / А.И. Соболевский. — [предисл. В.К. Журавлева и И.В. Журавлева]. — [5-е изд., стереотипное]. — М. : Едиториал УРСС, 2005. — 328 с.
22. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. Учебное пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов / Ю.С. Степанов. — [2-е изд., перераб.]. — М. : Просвещение, 1975. — 271 с.
23. Стройк Д.Я. Краткий очерк истории математики / Д.Я. Стройк. — [пер. с нем.]. — [5-е изд., испр.] — М. : Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1990. — 256 с.
24. Хабургаев Г.А. Очерки по исторической морфологии русского языка. Имена / Г.А. Хабургаев. — М. : Изд-во МГУ, 1990. — 296 с.
25. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка / П.Я. Черных. — [3-е изд.]. — М. : Учпедгиз, 1962. — 376 с.
26. Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики / В.И. Чернышев // Чернышев В.И. Избранные труды в 2-х т. — [сост. А.М. Иорданский, В.Г. Костомаров, И.Ф. Протченко]. — Т. 1. — [вступит. статья акад. В.В. Виноградова]. — М. : Просвещение, 1970. — С. 443-641.
27. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? / Н.В. Юдина. — М. : Гнозис, 2010. — 293 с.
28. Якубинский Л.П. История древнерусского языка / Л.П. Якубинский. — [предисл. и ред. В.В. Виноградова; прим. П.С. Кузнецова]. — М. : Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1953. — 368 с.